

Глава 1. Основы будущего.

Точка Ноль / Спустя 77 дней после событий на Стадионе «Гнездо»

Хоспис Святого Иосифа, пригород Лос-Анджелеса

Что делает человека человеком? Может быть, ДНК или наличие разума? Нормы культуры и язык как средство коммуникации? Или определенная форма сознания? Не знаю. Пусть мои поступки скажут за меня то, что нельзя выразить словами. Да, пусть будет. Пусть мои дела сами ответят на этот вопрос.

В палате находилось шесть пациентов, пятерым из которых медицинский дрон вколол снотворное, проводя восстановительные процедуры. Шестой бедолага, Френсис Дэвид Монтана, 1956 года рождения, начал приходить в себя после анестезии.

Открыл глаза, тихонечко стонал по стариковской привычке. Я вижу, как выражение его лица постепенно менялось. Когда тебе почти семьдесят и, просыпаясь, ты чувствуешь, что ничего не болит, есть повод подумать, что ты уже умер. Особенно если старика вроде тебя, с раком четвертой стадии, добрые родственники отправили в хоспис на паллиативное лечение. Так сказать, облегчить боль перед смертью.

Встроенный светочувствительный визор стелс-костюма позволял мне видеть в темноте не хуже, чем днем. Френсис в темноте засунул руку под одеяло и ощупал грудную клетку. Рак легких пустил метастазы в другие органы, принося боль при каждом вдохе. Для этого старика чувствовать ее значило быть еще живым. А сейчас боль пропала.

— Быть или не быть, вот в чем вопрос. Да, Френсис?

— Кто здесь?

Пациент не видел меня и медицинских дронов из-за включенных модулей термо-оптической маскировки.

— Мистер Монтана, я не буду называть себя. А вы не будете называть меня как-либо. Ограничимся тем, что я удалил саму опухоль и метастазы, купируя дальнейшие раковые процессы. Я также вколол вам лекарство, эффект которого в целом улучшает процессы жизнедеятельности организма. У вас будет больше сил, лучше аппетит и даже либидо восстановится.

— И я должен верить кому-то, кого даже не вижу? Неизвестному, пришедшему в больницу для смертельно больных посреди ночи?

— Верьте только делам, мистер Монтана. Завтра вас отправят на комплексное обследование, во время которого выяснится, что на месте опухоли сейчас находятся синтетические ткани с внедренными в них стволовыми клетками. Через несколько месяцев синтетика полностью заменится вашими собственными клетками, не оставив и следа от опухоли. Постарайтесь хорошо питаться в это время. Организму нужен материал для восстановления. Увеличение запаса сил почувствуете уже завтра.

Обычно в этот момент люди начинали сомневаться, потому что синтетика в легких в их понимании на томографии выглядела так же, как уплотнение раковой опухоли. Однако те, кто находился в больницах типа этой, готовы были ухватиться даже за призрачный шанс надежды.

— Кто вы? Что вам надо?

— Союзники и сторонники. Вы мне ничего не должны за оказанное лечение. Можете дальше жить своей жизнью, проводя выходные с внуками.

— Хе-хе. Я, может, и старый, но не наивный. И я никогда не поверю словам человека, который боится показаться мне. Ничего в этой жизни не бывает просто так.

— Считайте мой поступок бесплатной рекламой. Через три дня вам придет предложение от меня на большом синем экране, который будете видеть только вы, сэр. Можете от него отказаться без каких-либо последствий, и мы больше никогда с вами не увидимся. Я буду просить выполнять задания исключительно мирного характера, давая за их выполнение лекарства, которые никто, кроме меня, не сможет дать. Вы также можете просто менять награду на деньги. Я мог сделать то же предложение подросткам с улиц, которые бы точно на него согласились.

— Почему я вообще должен верить во весь этот вздор?! Кто вы? Немедленно позовите врача! Сестра!..

В этот момент медицинский дрон по моей команде сделал еще один укол успокоительного. Пациенты в хосписах кричат постоянно, поэтому его крик никого не удивил. Я не винил старика. Он испугался неизвестного человека, странного предложения, запаниковал и позвал на помощь. Завтра обследование подтвердит мои слова. А еще через пару дней Френсис сможет повторно в этом удостовериться.

Надо вылечить еще минимум пятерых и переходить в следующую палату. CARD-браслет пикинул, сообщая о том, что еще трое в этой комнате получили необходимое лечение. Я пересел к следующей койке и попросил дрона нейтрализовать эффект анестезии, используемой на людях, пока шла процедура лечения.

На карточке пациента красовалась фотография молодой темнокожей американки. Айша Грейс, 1985 года, запущенный случай рака костного мозга, пустившего метастазы в печень и селезенку. Стоило подействовать нейтрализатору, как девушка заговорила.

— Спасибо, кем бы ты ни был.

Проверил, действует ли маскировка. Да, все в порядке.

— Я вас не вижу, сэр. Не уходите.

— Как вы поняли, что я вообще тут нахожусь?

— Моя форма рака вызвала нарушение цикла сна. Я не могу спать, как бы сильно мне этого не хотелось.

Айше не надо было больше ничего говорить. Одна мысль о том, чтобы, страдая от непрекращающейся боли, оказаться в месте, заполненном умирающими, не в силах заснуть, вгоняла в ужас. Она уже пережила собственный ад.

— Я слышала весь ваш разговор с Френсисом. Не злитесь на него. Он старый. Боль месяцами сводила его с ума. Он испугался, что она может вернуться.

— Выбор за ним. Если вы не спали под действием лекарств, значит, чувствовали сам процесс

лечения. Больно было?

Девушка лежала с широко открытыми глазами. Дорожки от слез на ее щеках еще не успели высохнуть. Она будто боялась моргнуть.

— Терпимо. Мне страшно. Вдруг боль вернется?

— Приношу извинения за неудобства. Сейчас на ваш организм действует легкий стимулятор. Скоро вы заснете.

— Спасибо. Хотя бы за надежду. Спасибо вам большое!

— Мое предложение для вас будет тем же, что и для Френсиса. Поспите, отдохните и через три дня примите решение. Жить дальше и радоваться своей удаче. Или начать выполнять мои задания. Даю слово, что никаких негативных последствий отказа не будет.

Девушка нашла в себе силы поднять руку и прикрыть лицо. Обычная инстинктивная реакция прятать слезы. Удивителен сам факт того, что ей хватило на это сил после анестезии медицинского дрона.

— Я согласна...

— Нет. Не сейчас, мэм. Любой человек, оказавшийся в этом заведении, ухватится за соломинку спасения. Я даю вам время для отказа и принятия взвешенного решения. Мне не нужно согласие, полученное под давлением или из чувства благодарности.

В коридоре прошла медсестра хосписа, понятия не имеющая о том, что творится в этой палате. Сейчас на часах десять сорок пять. Я пришел сразу после отбоя, когда пациентов уложили спать. Разумеется, в этом заведении понятие отбоя сильно размыто. Но оно есть.

— Зачем тогда вы помогаете нам, сэр?

Ее голос затихал. Глаза закрывались. Дрон вколол легкое снотворное, давая ей наконец поспать.

— Потому что вы знаете, каково это: жить без надежды на спасение.

— Спа...си...б...

Айша закрыла глаза и тихо засопела. Я проверил заряд в костюме-хамелеоне и медицинских дронах. У меня еще была пара часов до смены батареек, а медицинских картриджей для дронов хватит только на эту и следующую палату. Их расход напрямую зависит от серьезности заболеваний. Конечности восстанавливаются долго и требуют большого запаса сырья в картриджах. В хосписах, как правило, расход на одного пациента намного меньше из-за меньшего объема вмешательства.

Тихо просочившись в коридор, зашел в следующую палату, запустил шесть из семи меддронов, начав стандартную процедуру лечения. Мимо пронесли массивные прямоугольники шириной больше полуметра и высотой в полноценный метр, так же, как и я, использующие модуль маскировки. Манипуляторы кибердокторов предварительно вводили пациентов в глубокий сон, затем вкалывали анестезию и только после этого начинали диагностику и саму процедуру лечения. Такой регламент связан с тем, что во время диагностики маскировка отключается для проведения лазерного и радиологического сканирования. А пациент мог проснуться.

Крупный размер дронов связан с тем, что я использовал все пять видов доступных медицинских S-размерных картриджей, от простейшего, с мелочами вроде обезболивающего, до самого продвинутого, способного восстановить утраченные органы. Иначе такие операции в полевых условиях провести было бы невозможно.

Я вернулся в первую палату и начал пробуждать исцеленных, повторяя то же, что сказал Айше и Френсису. Пока одних лечили дроны, других я пробуждал ото сна, беседовал и снова усыплял, чтобы они не подняли шум. Для этого мне и нужен седьмой меддрон. Всего у меня восемь дронов. Последний, Помощник, — это переносной склад и вспомогательная платформа для трех дополнительных устройств типа ручного гравиподъемника или станера, для самозащиты.

До утреннего шестичасового обхода я успел обойти четырнадцать палат из двадцати имевшихся в хосписе. Где-то было по шесть человек, а где-то всего по три-четыре. Как правило, сюда кладут пациентов на паллиативное лечение, снимая боль и другие симптомы, просто помогая им спокойно прожить последние из отпущенных дней на этом свете. Я ушел только потому, что закончились картриджи в меддронах.

Вернувшись к машине, спрятанной в двух кварталах от хосписа, снял костюм-хамелеон, отключив активную термооптическую маскировку. Устало стянул с ног высокие лохматые боты с электростатической системой звукового подавления. Эти синтетические волоски нейтрализовали любой создаваемый обувью шум. Меддронов и Помощника сложил в стационарное хранилище, ящик размером со стиральную машинку, который приходилось возить в закрытом багажнике пикапа. Несмотря на скромные габариты, стационарное хранилище при наличии вещей внутри меняло их фазовое состояние, позволяя в общем объеме хранить до двадцати семи кубических метров груза. Вес груза в фазовом состоянии уменьшается примерно в десять-двенадцать раз, увеличивая массу самого хранилища. Сейчас оно весило около ста килограмм.

Фух, устал. Теперь можно уехать домой.

4-е сутки после теракта / 73 дня до события Точки Ноль (событий в Хосписе)

Девятый специальный отдел Агентства национальной безопасности США.

Ноэми Торес устало потянулась после бессонной ночи, проведенной в своем кабинете. Несмотря на смуглую кожу и говорящую фамилию, ее взяли туда, куда выходцам из Мексики дорога закрыта. Самое сердце государственных органов, отвечающих за безопасность мирного населения внутри страны! И она отдавала этой работе все двести процентов своих сил, потихоньку, ступенька за ступенькой, строя карьеру в чисто мужском коллективе.

Пробежки по утрам, регулярные занятия с тренерами и сдачи обязательных нормативов от бюро испортили хорошую фигуру. Ранее нежная красивая девушка сохранила очертания бедер, талии, груди и плеч, но тело стало более жестким. Женская нежность сменилась грубой силой.

Торес и ее напарник Шон Прайс были выбраны начальством в качестве одной из шести команд от АНБ, ведущих дело о Дне Скорби. После атаки террористической организации «Храм Душ» на стадионе «Гнездо» в Лос-Анджелесе, унесшей жизни более пятидесяти четырех тысяч заложников и еще почти тысячи солдат, правительство объявило о недельном трауре по всей стране.

Террористы щелкнули по носу само правительство, устроив теракт четвертого июля, в День независимости. Шесть команд от АНБ вели это дело, собирая данные из всех прослушиваемых источников. Социальные сети, имейлы, мессенджеры, СМС, звонки по обычной связи. В ход пошло все, что можно задействовать при поисках. Еще по меньшей мере столько же команд работали от ФБР, тряся информаторов внутри страны. Подключилось и ЦРУ, собирающее информацию от агентурной сети за рубежом. РУМО и «Бюро Разведки и исследований» также внесли свой вклад, выделяя специалистов и спецтехнику по первому требованию.

Пятьдесят четыре тысячи человек — это население небольшого города. Событие, произошедшее на стадионе, стало масштабнейшим терактом в истории, унесшим самое большое количество жизней! Целый город, убитый одной террористической организацией. Из-за ошейников смертников ни одного заложника не удалось спасти.

Сейчас известно многое, но далеко не все. Террористы использовали ошейники с миниатюрной взрывчаткой, надев их на всех заложников в первые часы захвата. Больше четырех сотен тяжеловооруженных бойцов в экзоскелетных бронекастюмах восьмого класса защиты, выдерживающего очередь из пулемета в упор. Выходы со стадиона заблокировали шагающими квадрокоптерами поддержки с установленными на их спинах автоматическими оружейными платформами. По сути, бронированное шагающее пулеметное гнездо с системой защиты от РПГ, выстрелов из танка и брошенных в его сторону гранат. Сами террористы преимущественно были вооружены ручными пулеметами, использующими безгильзовые патроны. Плюс к этому персональный дрон защиты, отвечающий за сбивание снарядов РПГ и гранат. При штурме силами спецназа и национальной гвардии само сражение походило на одностороннюю бойню!

При первой попытке штурма силами спецназа силы правопорядка были уничтожены более чем на 95%. Во время второго штурма солдат из национальной гвардии перебили, не дав подойти близко к стенам стадиона. Потом та же участь постигла танковый батальон Лос-Анджелеса, так и не доехавший до места событий. Никто не думал, что террористы будут иметь воздушное преимущество на территории США, атаковав столь дерзко.

На фоне этих событий шли переговоры между «Храмом Душ» и Белым Домом. Террористы требовали ухода президента с его поста и отказа правящей партии от дальнейших посягательств на власть. На девятнадцатом часу, после казни четырех тысяч заложников, террористы, не выдержав давления, взорвали все ошейники смертников, покинув стадион через подземный тоннель.

Прайс нарисовал на доске хронологическую линию событий.

— Такова официальная версия, Прайс. Наша задача — найти этих ублюдков. Прошло уже две недели, а мы, черт возьми, топчемся на месте. Есть новости от криминалистов? Баллистиков? Службы георазведки?

— Торес, не грызи мой мозг! Мне и жены хватает. Она меня за все это время видела всего два раза. И не делай такое лицо! Я люблю свою жену! Баллистики говорят то же, что и в прошлый раз. Патроны нестандартные, калибр около 10 мм, состав металлов не дал никаких зацепок. Гильз, сама понимаешь, нет. Образцов захваченного оружия тоже нет, но уже готова копия из пластика, напечатанная в научном отделе. Фрагмент экзоскелетной брони, полученной от подбитого танком бойца в северном вестибюле, показал, что сама броня превосходит все известные в мире разработки. Сплав самой рамы экзоскелета тоже вызвал восхищение в лаборатории. Состав известен, но как его сделали, никто не знает.

Торес устало потерла руками лицо.

— Санта-Мария! Как меня достала эта неизвестность! Команда Джозе Унико из ЦРУ считает, что мы ищем каких-то призраков. О деятельности наемников, известных как «Храм Душ», никто никогда не слышал. Кто они? Частная военная компания или террористическая организация? Мы не знаем их лиц, мотивов поведения, национальности и религиозных взглядов. Черт, мы сражаемся с врагом, о котором ничего не известно! Был бы хоть один свидетель! Один выживший в той мясорубке со стадиона, и мы могли бы пролить свет на картину событий. Куда увели двести отобранных заложников? Их трупов, не считая парочки, так и не нашли.

Указав на карту стадиона, Прайс дополнил:

— Подземный тоннель, по которому они уходили, продолжают расчищать. Нам достоверно известно, что они эвакуировались через тоннели метро, через которые ранее попали на стадион. Где именно они вышли на поверхность после этого? Следы ведут в разные стороны. Камеры ничего не показывают. Уже понятно, что их взломали задолго до теракта.

— Дайте мне рычаг, и я переверну весь мир. Нам нужна путеводная нить в этом лабиринте. Кто они? Куда ушли? Каковы цели теракта?

1-е сутки после теракта / 76 дней до события Точки Ноль (посещения хосписа)

Адрок Халдери, двадцать один год.

Помню день, когда все в моей жизни в очередной раз встало с ног на голову. Это было уже после того, как я сбежал со стадиона, никому об этом не рассказав. Хочешь выжить, будешь молчать и не о таком. А там творилось такое, что даже моя психологическая устойчивость полетела к чертям. Я видел смерть и раньше, в детстве, во время расстрела соседей в Сирии. Потом на улицах осажденного города, когда искали гуманитарную помощь от Красного Креста. На самой границе и по другую ее сторону после неудачных допросов. Казни проводились по законам военного времени. Я многое видел за те полгода. Многое, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось на стадионе.

Ощущение сразу после пробуждения было странным. Открываешь глаза и понимаешь, что часть тебя умерла там, на стадионе. Психологическая невинность? Скорлупа мирной жизни последних семи лет? Вместо горечи утраты, наоборот, ощущал странную переполненность и жар. Навалилось чувство безысходности перед всеми теми событиями, что происходили в моей жизни за последние шесть месяцев. Отец, боровшийся с раком легких четыре года, сказал на днях, что ему осталось жить меньше трех месяцев. Потом знакомство с Ричардом и его отцом в одной из больниц, когда я отвозил своего на лечение. Сублимацию, эффект наложения одного на другое в полной мере я ощутил именно этим утром. Что делать в череде ситуаций, в которых ты осознаешь все грани собственного бессилия? Стадион, стадион, чертов стадион...

Я проснулся поздно вечером пятого июня, слушая, как с кухни пансионата, в котором я жил, доносился голос диктора с новостного канала. Спал меньше шести часов. Захват стадиона начался вчера и закончился только сегодня. Миссис Шепард, хозяйка нашего заведения, включила свой ноутбук на полную громкость, чтобы все, кто был на кухне, могли слышать последние новости с места событий. Передавали сводки погибших, опознанных по документам, непрерывно крутя прямой эфир с кадрами, снятыми с вертолета над стадионом. Его крыша обрушилась от последнего, самого мощного взрыва, ухудшая условия для поисковых работ

спасателей. Как я и боялся, ни одного живого человека до сих пор не нашли. Сублимация, эффект наложения действий «Храма Душ» и последнего взрыва, вызванного, по их словам, правительством, отказавшимся идти на сотрудничество. Я опять думал об этом?! Да, я, кажется, не в себе. Шок еще не прошел полностью.

Я жил в пансионате миссис Шепард при биотехнологическом колледже Лос-Анджелеса, в северо-восточном округе. В крыле для парней обитало всего шесть человек, и еще четыре комнаты пустовали. В крыле девушек восемь комнат заняты.

Проснулся поздно, ближе к полуночи. Все тело болело, желудок урчал от голода, а голова спросонья и от сильного недосыпа соображала крайне туго. В полуметре над моей кроватью завис почти прозрачный кубик чего-то неизвестного. Я попытался отмахнуться от этой штуки, но стоило к ней прикоснуться, как она превратилась в подобие геля, намертво окутав кисть правой руки. Сон как рукой сняло!

Мигом выскочив из кровати, я в панике тряс кистью, бормоча что-то невнятное с вставками мата через слово. Не хватало мне еще руку дома потерять! Непонятная субстанция перетекла с кисти на запястье, приняв форму сплошного браслета с семью гранями. Прозрачный цвет сменился на кислотно-зеленый, потом на коричневый, остановившись на матово-черном. Над одной из граней выскочило трехмерное голографическое изображение с текстом.

«Регистрация нового CARD-браслета в инфополе планеты. Серийный номер устройства WHI-0-0-1227. Присвоен уникальный номер пользователя HU04856. Режим работы... пионер, автономный, отсутствует планетарное подключение к инфосети. Обнаружен пакет технологических карт [Пионер]. Ранг доступа пользователя — личный, гражданский, расширенный. Статус — доступны Помощники, Сборщик сырья, Вербовщик».

«Синхронизация с мировым временем по точке бифуркации пространства... Интерпретация данных в планетарном исчислении времени. До оптимальной точки слияния 4152:42:10... 09... 08... 07...»

«Стадия Ноль, Адаптация. Задача пользователя: ознакомление с возможностями CARD-устройства. Время на прохождение стадии 79:58:52...51...»

«Внимание! Низкий запас энергии. Текущий показатель 0,01/1000 Ам».

Пока крутил запястьем и так и сяк, понял, что голограмма интерфейса управления менялась в соответствии с тем, какой из семи граней поверхности он повернут вверх. В зеркале эта трехмерная голограмма тоже отражалась, а значит, видна всем, а не только мне. Семь граней — это семь проецируемых экранов с разной информацией. На первом были Системные Сообщения. На втором — Активные Устройства с двумя шкалами наверху 0/8 и 0/5. На третьем — Личное Хранилище емкостью в сотню килограмм, которое сейчас было абсолютно пусто. На четвертом — трехмерная Карта радиусом около пяти метров от меня. На пятом — Контакты и Сообщения, тоже абсолютно пусто, что неудивительно. На шестом — Технологические Карты производства предметов. На седьмом — нервно моргающий красным Статус браслета, намекавший на недостаток энергии. Графа с ее показателем показывала 0/1000 Ам. Ткнув на нее, получил подсказку.

«Аккумулятор CARD-браслет. Емкость 1000 Ам. Может быть увеличен батарейками SSS-размера. Доступны 3/3 универсальных слота для подключения дополнительных устройств».

Если часы совпадали с земным временем, то через 4152 часа, 00:00 часов — 25 декабря 2025 года, канун Рождества по григорианскому календарю. То есть еще 173 дня. Совпадало вплоть

до минуты.

Потратив некоторое время на эксперименты, я узнал, что браслет может заряжаться электричеством, если его поднести к розетке или другому источнику питания на дистанцию тридцать сантиметров и ближе. Собственно говоря, чем ближе, тем лучше он вытягивал энергию. Браслет за десять секунд выбил пробки во всем пансионате, перегрузив сеть, не рассчитанную на такое напряжение. Устройство успело зарядиться всего на 1 Ам. Насколько я понял условные единицы измерения, это Ампер/час, используемая как единица измерения емкости у аккумуляторов. Самое интересное заключалось в том, что аккумулятор емкостью 1000 Ампер/час должен был весить около семидесяти килограмм. А тут кроха грамм в пятьдесят, имеющая еще и прочие функции.

Вторым значимым открытием стало Личное Хранилище, то, что игроки в компьютерных играх называют «инвентарем», но с тремя отличиями. Первое: в него нельзя помещать живых существ. Второе: все хранимые вещи находятся в измененном фазовом состоянии, снижая собственный вес примерно в десять-двенадцать раз. Третье: на добавление, вытаскивание и хранение вещей тратится энергия.

Неожиданно стало плохо. Сердце стучало как бешеное, я задыхался. Вчера у меня было шоковое состояние, возможно, еще и сотрясение, но с этим я не мог пойти в больницу. Там, на стадионе, казнили Ричарда. Неделей раньше узнал, что моему отцу, пережившему эмиграцию из зоны боевых действий, короткий плен и допрос на границе Сирии, осталось жить всего пару месяцев. Четвертая стадия рака легких, о которой он молчал до самого конца. Трудно описать словами, что творилось в моей душе после всего, что мне довелось пережить. Отец, стадион и этот чертов браслет.

Отпустило. Надо собираться.

Время позднее, надо выйти в ночную смену, чтобы не привлекать внимания. Оделся в запасную одежду и пошел по коридору в сторону выхода из пансионата. Заглянул на кухню, желая просто показать, что я дома.

Миссис Шепард все так же сидела у ноутбука, включенного на полную громкость. Рядом пристроилась темнокожая Долорес, любительница халявной еды. Студентка! Ян из Польши и Марко стояли в дальнем углу. Именно Марко заметил меня первым.

— Пипец! Чувак, так ты жив? Я думал, ты с Ричардом поехал смотреть игру на стадион.

— Я проспал.

Миссис Шепард посмотрела удивленно. Долорес тихо хомячила фрукты со стола. Ян понимал английский слишком плохо. А Марко все никак не успокаивался.

— Так игра на стадионе в десять вечера начиналась.

— М-м-м-м... какой же ты порой зануда! Я в среду не спал ночью. Рубился до четырех часов дня в линейку. Потом кое-как дополз до кровати и вырубился. Круги под глазами видишь? Я спал хрен знает сколько.

— А телефон?

— Батарейка сдохла. Ты, кстати, обещал ее заменить! Ай, ладно. И вообще, почему я что-то тут доказываю? Проспал и, черт возьми, впервые в жизни рад, что не пошел на игру. Доволен?!

Всем пока, я пошел на подработку!

— Да че ты такой нервный?! Как ты можешь идти на работу после такого?!

— А чему мне радоваться? Разминулся со смертью из-за неработающего телефона. Радость! Юху! Доволен? Там на стадионе были Ричард и его отец! Им теперь ни жарко ни холодно от того, что я пропущу работу. Уф. Марко, без обид, но лучше отвали.

Доехав до работы, выкинул пакет с окровавленными вещами в контейнер со строительным мусором. Даже если его найдут, уже точно не свяжут со мной и событиями на стадионе. Это другой конец города.

Основные открытия я совершил, добравшись до своей ночной работы. Как студента колледжа фирма, занимающаяся приемом металлолома, могла меня нанять только на полставки. То есть неполные вечерние и ночные смены. Именно этот опыт работы послужил хорошей основой для всех моих дальнейших изысканий.

Каждый экран браслета имел свое важное назначение. Если Контакты, Систему, Статус и Карту можно отнести к пассивным экранам, то Хранилище и Технологические Карты — к активным, с которыми можно и нужно взаимодействовать. Я тайком зарядил браслет, запитав его от нелегально проложенного на склад фирмы кабеля, подключенного напрямую к магистрали электропитания района. Пять минут — и у меня есть 1000 Ам на эксперименты. Я понимал, что прячусь от дурных мыслей за возможностью изучить браслет. Он, как маяк, помогал держаться разуму, находящемуся на грани коллапса.

Немного разобравшись во вкладке «Технологические Карты», я понял, что CARD-браслет сам по себе является модулем управления всеми связанными с ним устройствами. А также выступает в роли производственной линии на первых порах.

Прямо под надписью «Технологические Карты» висели записи складских остатков сырья. Все по нулям.

T1 [сырье] — металл, керамика, стекло, камень.

T2 [сырье] — прогрессивные материалы — редкие металлы, полимеры [пластик], биоматериалы [органика], целлюлоза [древесина], ткани, резина.

Любое производство начинается с изготовления верстака и инструментов. Были доступны шесть вкладок — Стационарные Предметы, Личное, Дроны, Питание, Расходуемые предметы и Инструменты. Из них активнее всего моргала «Стационарные устройства», намекая на важность заняться ими в первую очередь. Всего четыре доступных устройства.

«Стационарный объект: Расщепитель [M-size]— позволяет расщеплять на составляющие сырье объемом до одного кубического метра органического и неорганического происхождения, имеющего материальную форму, а затем делать из них сырьевые картриджи. На нулевом технологическом уровне может извлекать только один вид сырья из предметов, помещенных в зону бункера приемки. Формовщик картриджей от SSS до XXL-размеров (зависит от размера самого устройства и настроек). Три внутренних объема: 9 м³ — бункер приемки, 3 м³ — зона готовых изделий, 15 м³ — буферная зона отходов после фазовой переработки. Для снижения доли отходов при переработке рекомендуется установить усилители сенсорной чувствительности расщепителя.

— Бункер зоны приемки пуст.

— Очередь на расщепление пуста.

— Отсутствует подключение к стационарному хранилищу.

— Запас энергии... Не обнаружена активная сеть питания. Отсек для батарей М-размера пуст».

Отсутствуют модификации размера бункера/защиты/скрытности/сенсоры чувствительности.

Кое-что понял. Из одного сырья можно получить два и более видов материалов. Те же присадки редких металлов в обычном металлоломе. Для улучшения расщепителя нужно улучшать его сенсорную систему. С размерами батареек то же. И где, черт возьми, я должен взять зарядное устройство таких размеров? А сами модификации?

«Стационарный объект: Стационарное Хранилище M-size — хранилище активного типа. Емкость 27 м³ или вес до 18 500 кг. Не может хранить живых существ, жидкости и газ вне закрытых емкостей. Емкость может быть увеличена за счет увеличения базового размера согласно технологическим картам от SSS-size до XXXL-size.

— Бункер зоны приемки пуст.

— Отсутствует подключение к другим хранилищам.

— Запас энергии... Не обнаружена активная сеть питания. Отсек для батарей М-размера пуст».

Проще говоря, суть данного предмета сводилась к хранению большого количества вещей. Его можно также подключить к Личному Хранилищу браслета, упрощая процедуру перекладывания предметов. Чем больших размеров предмет хочешь в него поместить, чем больший нужен бункер приемки и размер самого хранилища.

«Стационарный объект: Сборочная станция T0 [M-size] — при наличии известной технологической карты, сырьевых картриджей и необходимого для производства запаса энергии может создавать предметы, используя технологию печати материи. Максимальный размер создаваемого предмета до 1 м³.

— Очередь на производство пуста.

— Отсутствует подключение к стационарному хранилищу.

— Запас энергии... Не обнаружена активная сеть питания. Отсек для батарей М-размера пуст.»

Четвертый предмет, «Сборочная Станция Крупных Объектов», по сути, та же сборочная станция, только служила для производства очень крупных объектов вплоть до зданий. Автономная штукавина, в которую вставлялся спецкартридж «крупного объекта». И уже из этой пары делался сам крупный объект, съедая ресурсы и саму сборочную станцию под ноль.

Троица стационарных объектов: расщепитель + станция сборки + стационарное хранилище — это основа всего. По сути, функции браслета — это урезанная функциональность этой троицы.

На оставшихся вкладках Технологических Карт были показаны предметы, которые я мог сейчас производить при наличии нужного количества энергии и сырьевых картриджей. Сейчас доступен был только нулевой технологический уровень [T0]. Путь предстоял долгий, но именно поэтому он был так интересен. Сделать можно было не много: респиратор, маска для плавания с миниатюрным кислородным баллоном, каска, примитивный бронежилет (как у копов),

батарей от SSS до M-размера, провода, технический лазерный резак, универсальный нож, фонарь. Небогато, но на то он и нулевой технологический уровень.

Используя Хранилище браслета как бункер приемки, я тайно накидал в него металлолома с работы и начал расщепление, создавая свой первый картридж S-размера. Ушло полчаса и двести единиц энергии, выдав на выходе коробочку размером в пачку сигарет. То самое измененное фазовое состояние материи вместило два кило стали в этот небольшой брусочек весом меньше двухсот грамм. Во время следующего захода я запустил сначала одно, а потом второе производство предметов, проверяя, есть ли такая возможность. Оказывается, она была. Главное, чтобы хватило энергии.

1-е сутки после Точки Ноль (посещения Хосписа) / Спустя 78 дней после событий на стадионе «Гнездо»

Хоспис Святого Иосифа, Лос-Анджелес

Главный врач хосписа Чад Сандрес не сразу поверил глазам, когда поднялся на второй этаж, проверяя своих пациентов. Привычным было бы слышать крики боли, стоны, бегающих туда-сюда медсестер и взгляд людей, смилившихся со своей неизбежной смертью. Но вместо этого встретила энергичная беседа пациентов, совсем не думающих умирать. Они ходили по коридору с глупыми улыбками, делали зарядку, по-старчески кряхтя и смеясь при этом над самими собой. Смех — это последнее, что можно ожидать услышать в хосписе. И самое удивительное, пациенты ждали доктора.

Войдя в первую палату, Чад в сопровождении медсестры остановился у первой попавшейся кровати. Френсис Дэвид Монтана, шестьдесят девять лет. Глубокие морщины, седина, выцветшие от старости глаза и столь непривычный для пациента здоровый румянец на щеках. Старик смотрел в окно, довольно быстро заметив Лукаса.

— Мистер Монтана. — Лукас прочитал имя на листе с личным делом, прикрепленным к кровати. — Вижу, вам лучше. Давление в норме, а сердце бьется как у молодого.

— Это были вы, да? Не надо прикидываться, будто вы с этим никак не связаны!

— С чем связан?

— Ночью! — Старик вскрикнул, как безумец. — Это вы сюда приходили! Вы что-то со мной сделали! Отвечайте! Я скоро умру, да!? Ваше лекарство дает только временный эффект, и боль скоро вернется! Дайте мне его еще!

Лукас устало вздохнул.

— Давайте уточним. Вы проснулись ночью, сами не зная почему. Чувствовали себя необычайно хорошо. Потом какой-то неизвестный невидимый человек сказал, что вы теперь здоровы и ничего ему за это не должны. И через несколько дней он с вами свяжется.

Старик оживился, довольно улыбнулся и попытался подойти к доктору. Но дорогу ему преградил медбрат крупного телосложения.

— Я так и знал! Это все ваши фокусы! Когда боль вернется? Через час? Через два?

Фраза «Успокойтесь» имела бы сейчас обратный эффект. Боль сводила людей с ума. Сама мысль о том, что она может вернуться, ввергала пациентов хосписа в состояние паники, которая сейчас царила в голове этого старика. Люди боялись не боли. Они боялись страданий.

— Мистер Монтана. — Чадо жестом попросил медбрата отойти. Надо установить доверительное общение. — То, что я сказал, слово в слово за это утро рассказали мне десятки пациентов с первого этажа. Если бы не это, увидев вас в столь хорошем состоянии, я бы первым делом отправил вас на обследование. Вы выглядите слишком хорошо для человека, который еще вчера был прикован к постели. Вы слышите это?

— Что слышу?

— Прислушайтесь.

Несколько секунд старик молчал, пытаясь услышать что-то ненормальное. На соседней койке Айша с кем-то говорила по телефону. Еще дальше толстушка Мэгги писала кому-то СМС. Она все утро это делала. Трое других пациентов палаты прожигали взглядами спину доктора, ожидая его вердикта. В коридоре слышались смех и простой женский плач в два голоса. За годы жизни Френсис научился различать виды женского плача. Этот был далеко не от горя. Облегчение, понимание, сострадание. Вот о чем ему говорили эти рыдания.

— Плач?

Лукас поднял указательный палец.

— Вы не слышите горя. Его особого звучания! Посмотрите мне в глаза, Френсис. Вы тут жили какое-то время. Пусть будет жили, а не находились. А я работаю тут второй год. Горе может пропитывать обычные слова хуже яда. Оно витает в воздухе. И даже в тишине этого места его можно почуять. В том, как человек молчит, также можно заметить это горе. Вы слышите сейчас это горе, мистер Монтана?

— Нет.

— Вы чувствуете это горе в себе? Это чувство безысходности?

— Нет.

— Для нас с вами, Френсис, чувствовать смерть поблизости — не пустые слова. То чувство, когда на соседней койке лежит человек, накрытый простыней, ни с чем не перепутаешь. Его вы сейчас чувствуете? Не торопитесь отвечать. Подумайте хотя бы пару секунд.

Френсис понял, о чем его спросили. Это чувство знакомо только тем, кто смертельно болен и чувствует свою кончину. Некое выработанное биологическое чутье на скорую смерть поблизости. Оно словно ощущает некий запах от смертельно больных. Но сейчас это чутье молчало, словно поблизости не было никого, кто собирался бы умереть. Более того, он не чуял «этого» от самого себя.

— Вы хотите сказать, я не умру?

Чадо обернулся к пациентам, которые давно притихли и теперь слушали их разговор.

— Как доктор я не знаю, что с вами случилось. И потому не буду давать ложных обещаний до получения данных обследования! Сейчас все вы выглядите полностью здоровыми. Вчера вы

умирали, а сейчас пишете своим близким, прося забрать отсюда. Не надо прятать телефон, Айша. Я все видел! Дом смерти, вам страшно и все такое. Но это событие затронуло не всех. Внизу есть еще четыре палаты, где состояние пациентов никак не изменилось за эти сутки. Они злы! Они напуганы тем, что к ним никто не пришел! Они вам завидуют и могут сделать что-нибудь необдуманное. Поэтому, пожалуйста, сохраняйте спокойствие до получения результатов анализов. Если все будет хорошо, я буду первым, кто пожмет вам руку перед тем, как вы покинете это заведение на своих ногах.

Пациенты начали хлопать в ладоши, аплодируя врачу. Слова Чадо Сандреса тронули их сердца. Аплодисменты — это последнее, что ожидал услышать главный врач хосписа в своем заведении.

2-е сутки после теракта / 76 дней до события Точки Ноль

День начался, откровенно говоря, странно. Ранним утром после ночной смены на станции металлоприемки я вышел из автобуса и пошел в сторону пансионата. За мной тихо поехала машина. Я остановился, и она остановилась. Триллер, черт вас всех дери. Только новых проблем мне сейчас не хватало.

Новенький форд седан белого цвета. С места водителя вышел темнокожий парень. Высокий, очень хорошо натренированный, на голове вьющиеся волосы, какие часто встречаются у выходцев из Африки. Это самый темнокожий представитель, какого я когда-либо видел. Инстинкты буквально кричали о том, что передо мной убийца. Не любитель-маньяк, не псих и не герой пьяной драки с поножовщиной, а тот, кто убивал осознанно, не сомневаясь в собственных действиях. Я помнил этот взгляд из детства. Помнил походку и плавные движения, чуть-чуть отличающие его обладателя от всех прочих людей.

Тело само приготовилось к побегу.

— Спокойно. Не делай резких движений, и никто не пострадает. Сделаешь шаг, и я расценю это как попытку побега, — сказал он и посмотрел на меня, как удав на кролика.

Ноги будто прилипли к земле. Мужчина подошел на, казалось бы, обычную дистанцию, но именно само расстояние между нами лишний раз доказывало правоту инстинктов. Если бы у меня сейчас был нож, я бы не достал до него всего пол-ладони. Однако он за счет большей длины руки мог убить меня прямо тут. Детали отличают профи от любителя.

— Хорошие инстинкты, мальчик. У тебя недостает навыков и опыта для понимания того, как действовать в нестандартных ситуациях, но талант налицо. Это упрощает дело. Подними руку с браслетом.

Только сейчас я заметил, что у незнакомца на руке тоже браслет. Если мой имел семь сплошных граней, то его был огранен иначе и выглядел как черный выпуклый драгоценный камень с сотнями маленьких поверхностей.

— Значит, ты собиратель?! Впрочем, неважно. Когда два пользователя встречаются, они могут коснуться браслетами друг друга, обмениваясь таким образом контактами.

— Кто вы?

— Неважно. Когда появляется новый пользователь, система отправляет к нему старых опытных

пользователей типа... людей вроде меня. Предполагается, что так строится сеть знакомств. Новичок получает базовые знания и наставника. К счастью для меня, это все делается на добровольной основе. А твое счастье в том, что тебе попался я.

— Почему?

Тело перестало слушаться, и я сломанной куклой рухнул на землю. Что это было? Я вообще ничего не заметил.

— Видишь? Пожелай я тебя убить, ты был бы уже мертв. Бесплатный совет. Остерегайся объединений так долго, как можешь. А мой контакт сотри. О, и последнее! Если ты проживешь достаточно долго, однажды окажешься на моем месте, а твой ученик будет так же валяться на земле. Тогда и ты поймешь, почему сегодня я так поступил.

Хлопнула дверь автомобиля, завелся двигатель, и вскоре вокруг стало тихо. Я пришел в себя спустя пару минут. Тело плохо слушалось, будто я только проснулся или получил хороший удар по голове. Осмотрелся: утро, вокруг никого. Открыл интерфейс браслета, вкладку «Контакты». В ней красовался новый ID HU00177. Не стал его пока трогать. Шатаясь, пошел в сторону дома. Тут немного осталось. Черт! За последние трое суток сколько я спал? Часов шесть? Теперь еще и этот псих смог меня как-то найти.

Пришло сообщение.

HU00177: Удали сейчас. Или я вернусь и завершу начатое.

К черту такие знакомства! Сам справлюсь. Добравшись до дома, поел и провалился в сон в надежде проваляться в постели часов десять. Как обычно, жизнь внесла свои коррективы. В дверь стучали до тех пор, пока я не встал и не открыл. Марко оделся как на свидание.

— Поехали! Все только тебя и ждут.

— Куда? Который час?

— Два часа дня, соня! Читал вчерашнюю рассылку? Члены студенческого сообщества Харбор Колледжа сегодня встречаются в баре «Семь персон», в Нью-Даунтауне.

— А я тут причем? Марко, отвали. Я хочу спать.

— Не-не-не! Я тебя одного тут не брошу! Будешь пить вместе со всеми. Мы проводим поминки по тем, кто из наших погиб на стадионе. Пока ты не сядешь в машину, я отсюда не уйду. Давай, собирайся!

Ехали до бара на пикапе Марко, вытаскиваемом с парковки только по большим праздникам. В салон набилось пять человек. Все любители халявы из пансионата, не желавшие платить за такси. Уже в дороге пришло второе уведомление о снятии с должности президента студенческого сообщества за организацию преждевременных поминок. Официально выживших еще не нашли, но это еще не повод говорить о том, что кто-то из наших на стадионе погиб. В общем, студенты искали повод встретиться, напиться и всем вместе пережить последствия довольно опасного происшествия.

Учитывая количество персон, приехавших на поминки-пьянку-проводы, бар был набит до отказа. Я под предлогом усталости вернулся к пикапу Марко. Подошел к открытой части кузова и сел, тихо потягивая через трубочку мятный безалкогольный напиток. Нет, в такой

толпе я больше никогда находится не буду. Я читал об этом. Люди, пережившие теракты в метро, больше не заходят в вагон, если видят женщину в хиджабе. У меня что, появилась психологическая травма?! Боязнь непредсказуемой толпы, которая не может постоять за себя?! Сейчас все эти пьянки казались такой мелочью. Глупостью! Жизнь всего одна! Так стоит ли тратить ее так глупо?

Приходила Долорес, пытаясь подкатить, пока сама пьяная и хватает смелости. Нет, милочка! О твоих планах выйти замуж как можно раньше знали даже преподаватели.

Марко нашел меня спустя пару часов после начала гуляний. Я уже просто лежал в кузове, наплевав на грязь и испачканную одежду. Чем меньше меня замечают, тем меньше вопросов задают.

— Адрок-непьющий! Когда ты сказал в первый раз, я думал, ты шутишь. Во второй, что тебе не нравится компания. В третий, что у тебя есть причины не пить. А ты оказываешь, вообще не употребляешь?!

Судя по блеску в глазах, он уже выпил больше, чем нужно.

— Уже наклюкался?! Домой нас как повезешь, алконавт?!

— Вся надежда на тебя.

— Ты о чем-то переживаешь. Я вчера вечером заметил, когда ты на меня наезжать начал. Из-за этого решил сегодня напиться?

Марко отвел взгляд.

— Глазастый, да? — Он погрустнел. — Миссис Шепард сказала то же самое. Родители сказали, что не смогут оплатить следующий год учебы в колледже. А без этого я больше не смогу жить в пансионате. К сентябрю мне надо будет искать жилье и работу.

— Так в чем проблема?! Возьми кредит на учебу. У нас так половина колледжа учится.

Марко погрустнел еще больше. Ему не надо было отвечать, все и так ясно. Банк по какой-то причине отказал в кредите и ему, и его родителям. Высшее образование в Штатах стоило от двадцати тысяч долларов в год. У нас в Хаборне оно обходилось почти в двадцать пять плюс скидки на жилье для студентов в общежитиях и пансионатах. В моем случае учебу оплачивали родители, а на комнату и еду я тратил деньги с подработок. Приходилось крутиться сутками напролет.

— Понятно. Сегодня твоя последняя студенческая вечеринка. Поэтому ты хочешь напиться и запомнить ее навсегда.

— Что-то пить расхотелось. Отвези нас домой.

— А Долорес и остальные?

Марко усмехнулся.

— Тающая шоколадка не будет ночевать дома. Остальные сами доберутся. Поехали! Ты за рулем.

Вернувшись домой, довел вконец опьяневшего Марко до его комнаты. Отвез машину на

парковку, а сам занялся дальнейшим разбором полетов. Теперь можно было продолжить исследования.

Размеры картриджей варьировались от SSS- до XXL-размера, сохраняя те же пропорции уменьшения объема. То есть происходило снижение веса в десять-двенадцать раз, перенося остаточный вес на сам картридж.

Когда имеешь такой браслет, сильно меняется представление о собственных возможностях взаимодействия с миром. Например, карта отображает все известные ей кабели питания, помечая их цветами от светло-серого до темно-багрового. Чем больше мощность, тем ярче цвет. За сутки целенаправленных опытов удалось узнать, какие типы сырья и их источники лучше всего использовать.

T1 [сырье] — металл, керамика, стекло, камень.

T2 [сырье] — прогрессивные материалы, редкие металлы, полимеры [пластик], биоматериалы [органика], целлюлоза [древесина], ткани, резина.

T1, как я сейчас понял, — это сырье первого технологического уровня. Эта универсальная аббревиатура встречалась почти на всем, что связано с предметами от CARD-браслетов. Сырье для картриджей «Металл» проще всего брать прямо в пункте металлоприемки. Пока шеф не сможет доказать факт воровства, проблем не возникнет. Еще металл можно просто выкупить, договорившись напрямую. «Керамика» — это фарфоровая посуда, унитазы, раковина и, конечно же, керамическая плитка на полу и стенах. Со «Стеклом» все понятно — пометил на карте все известные пункты приема стеклотары, свалки строительного мусора и пункты приема металлолома в городе. Как ни странно, под «Камнем» понималось буквально все, что мы привыкли им называть: от бетона до гальки. Опять же на свалках этого добра навалом.

T2 — сырье и материалы второго технологического уровня. «Полимеры [пластик]», на первый взгляд, можно легко найти в магазине. Но что могло быть дешевым источником? Как ни странно, снова помогли пункты приема пластика для переработки. Также пометил на карте магазины, продающие пластиковые трубы большого диаметра. С «Древесиной» все еще проще. Поскольку расщепителю было все равно, какого качества сырье, он одинаково принимал как сучки, дрова, так и бруски, купленные в строительном магазине. Пока покупка дров оптом — самый дешевый из найденных способов легального закрытия этого вопроса.

Оставалось четыре типа картриджей: «Резина», «Ткань», «Биоматериалы [органика]» и «Редкие металлы». В пригороде нашелся пункт приема резины на утилизацию, где местные грузчики были готовы продать шины по пять баксов за штуку. Это и «Металл» от проволоки внутри шины, и сама «Резина». С тканями все несколько сложнее. Изначально думал о том, чтобы купить супердешевые тряпки на китайском оптовом рынке Лос-Анджелеса, но потом пошел по пути упрощения, вспомнив, что расщепителю плевать на качество исходного сырья. В итоге сходил на блошинный рынок, где люди продавали старую одежду, постельное белье, чехлы на мебель и многое другое, что можно отнести к категории тканей для картриджей. Пометил рынки на карте, также оставив себе заметку проверить слухи о том, что стоковые магазины одежды после завершения сезона моды не выкидывают остатки товара, а собирают их на специальных складах. Они их не продают из-за завершения сезона, но и выкинуть не могут, так как это обесценит совершенные ранее покупки. Доля текстиля, отправленного на вторичную переработку в 2025 году, не превышала 15%. Другими словами, эти склады с устаревшими вещами сейчас ломились от запасов.

Редкие металлы — это самый проблемный вид сырья в списке. Под это определение попадали

как относительно знакомые литий, бериллий, титан, молибден, вольфрам, так и множество других, о некоторых из которых я даже не знал. Куча страшных слов. На кой черт обывателю знать, где достать килограмм неодима или празеодима? Спас опыт работы в пункте металлоприема и титан, не понаслышке знакомый мне по прайсу с ценами. Титановые сплавы часто встречались в медицине для имплантов, в авиа- и автомобилестроении, в тяжелой промышленности, где требовалась высокая износостойкость и удельная прочность материала. В общем, титан в самых разных видах довольно часто сдавали в пункты металлоприемки. Если бы не это знание, я бы долго думал о том, как сделать такой картридж, как «Редкие металлы».

Картридж с биоматериалами сделать оказалось проще всего. Фрукты, овощи, грибы, мясо, птица, рыба и даже сено можно использовать как исходное сырье. Но был один нюанс! При переработке рыбы, водянистых китайских груш и грибов выяснилось, что расщепитель по большей части считал их водой, а не едой и потому учитывал от 10 до 30% их массы как долю биоматериала. Сено перерабатывалось почти со 100% эффективностью.

В первые дни я делал две партии батареек SSS-размера, так как энергии требовалось очень много. Собрав нужное количество картриджей, я «напечатал» прямо в своей комнате на полу первый стационарный расщепитель, стационарное хранилище и сборочную станцию. Производство шло не внутри браслета, а снаружи. Он сам выступал в роли «Принтера материи», заполнив всю комнату едким запахом озона.

Раздался стук в дверь.

— Адрок, что это за запах? Он дошел до женского крыла.

Миссис Шепард. Хуже быть уже не может. Прервать производство я не мог.

— Лабораторная по химии, мэм. Через двадцать минут запах пропадет.

— Откройте дверь, Адрок. Я хочу увидеть собственными глазами. Если вы делаете в моем доме что-то незаконное, я немедленно вызову полицию.

— Я не могу прямо сейчас подойти к двери. Подождите двадцать минут.

— Откройте дверь немедленно! Я требую!

— Миссис Шепард, подождите двадцать минут. Можете хоть под дверями стоять, следя за тем, чтобы я ничего не спрятал. Хоть копов вызывайте.

— Это последнее предупреждение, мистер Халдери. Или вы сейчас открываете дверь, или освобождаете комнату к утру. Выбирайте! Я буду стоять здесь, пока не услышу ответ.

— А двадцать минут подождете?

— Это не смешно.

— Тогда у меня нет выбора. Я освобожу комнату.

— Хорошо... Я вызову полицию на всякий случай. Если они что-нибудь найдут, вы будете иметь дело с правоохранительными органами, мистер Халдери.

«Вредная старая карга! Что, не дали сунуть нос в чужие дела на твоей территории, так ты сразу решила выселить негодника? Ну и черт с тобой!»

Запах озона стал причиной того, что миссис Шепард, подумав, будто я варю в комнате наркоту, все-таки вызвала копов. И разумеется, они ничего не нашли. Правду я сказать тоже не мог. Поэтому меня выгнали из пансионата с пятьюдесятью баксами в кармане! Если бы не Марко, живший в комнате напротив, даже не знаю, как смог бы вывезти все свои вещи. Он одолжил машину, которой сам почти не пользовался. Старенький пикап с крытым кузовом.

Полночь. Обочина дороги. Я сидел на переднем сиденье машины, взятой у Марко, и думал, где бы в одиннадцать часов ночи найти пистолет, чтобы вышибить себе мозги. Так тоже бывает. Здоровому человеку хотя бы раз в жизни приходит в голову подобная мысль. Стадион, болезнь отца, смерть Ричарда, чертов браслет, а теперь еще и из дома выгнали. К кому обратиться?! Священник из прихода, в который я ходил по воскресеньям, сейчас спит, и он не тот человек, к которому можно пойти. Во всяком случае, пистолета у него точно нет.

Бывают такие ситуации в жизни, когда ты остаешься один на один со своими проблемами. Когда мне было двенадцать, мы с родителями бежали из Сирии. Так получилось, что при незаконном переходе границы мы разделились. Они увели за собой погоню патрульных пограничников. А я, как малолетний идиот, умудрился в темноте наступить на мину. Щелчок — и ты больше не можешь двигаться. В любой момент с одной или другой стороны границы может прилететь пуля и вышибить тебе мозги. Тогда, в темноте, мне было так страшно, что я не знал, что делать дальше. Нельзя было даже позвать на помощь. Что хуже всего, в такие моменты ты не осознаешь ценности собственной жизни в глазах тех людей, которым ты нужен. Через двенадцать часов, стоя под палящим солнцем, я думал: «Просто сдвину ногу — и все закончится». Моральная усталость, как вода, стачивала камень разумных решений. Днем совсем рядом проехал автомобиль пограничников. Мимо. Вечером с противоположной стороны вдоль минного поля ехала машина с прожектором на крыше. Каким-то чудом меня не заметили. Той же ночью, под утро, меня случайно заметил один из нелегальных проводников через границу, возвращавшийся один на оккупированную территорию, откуда мы с родителями сбежали. Он должен был бросить меня! Те, кто воевал, знают, что обычно именно так и делают. Посмотрев на меня полминуты метров с десяти, он, ничего не сказав, пошел дальше. Тогда я чувствовал себя примерно так же, как сейчас. Не знал, что делать дальше!

Через несколько часов проводник вернулся в сопровождении сапера, который обезвредил мину под моей ногой и исчез так же незаметно, как и появился. А проводник дал еды, воды и на своей спине бесплатно перетащил через границу прямиком в убежище для беженцев. Только дойдя до места, я узнал, что он немой. Они просто оставили меня в безопасном месте и ушли.

Сейчас, сидя в машине, я осознал, что нынешняя ситуация — сущий пустяк. Вообще все, что я пережил до событий стадиона и после него, меркло по сравнению с тем, что было в Сирии. Плевать на крышу над головой. Пока я жив, я мог все исправить. Пока я жив, всегда будет крохотный шанс на выздоровление отца. Я до сих пор не знаю имен сапера и проводника. Тогда нельзя было их называть. Но для беженцев они навсегда остались невидимыми героями той войны.

Я наконец успокоил бушевавшую в душе бурю. Заснув в машине лицом на руле, впервые за последние трое суток расслабился.